

Но теории, служившие мотивировкой исторического права России на византийское наследство, уже не составляли магистральной линии русской исторической мысли. Главным направлением стали теории, обращенные в сторону Запада. Впервые это со всей отчетливостью было сформулировано в «Сказании о князьях Владимирских». Происхождение московских великих князей здесь связывается уже с Августом-кесарем, а посредником между ними выступает Рюрик. Наследником Августа на территории, получившей потом название Пруссии, был ближайший родич кесаря Прус, а потомком Пруса объявлен Рюрик. Легенда о варягах получает теперь иное звучание: если в «Повести временных лет» Рюрик аттестовался скандинавом и служил славе киевских князей, то теперь он приобретает новую генеалогию и новые функции. Русская история через посредство Рюрика смыкалась с западной. «Сказание о князьях Владимирских» вовсе не порывало с византийской традицией, как не порывали с ней и на Западе. Основатель династии Меровингов Хлодвиг, стремясь поднять значение своей власти, ссылался, как известно, на то, что византийский император Анастасий отослал ему знаки своего императорского достоинства. Но, как и на Западе, «Сказание о князьях Владимирских» подчиняло эту византийскую традицию западной ориентации. «Крабица сердоликовая», которую, согласно сказанию, получает русский князь Владимир Мономах от византийского императора Константина Мономаха, оказывается, раньше принадлежала тому же Риму, и из нее «Август кесарь римский веселишася».

И вся эта теоретическая конструкция была направлена против литовских князей. Автор «Сказания» выдает свою цель: речь шла о весьма практических делах, о воссоединении русских земель, захваченных Литвой и Польшей. Именно поэтому теория эта фактически становится официальной исторической теорией, получает широкое распространение в тогдашней русской литературе — Степенной книге, Хронографе, Четвх-Минеях, исторических повестях⁹ и в русской дипломатической практике. Достаточно вспомнить, что в 1672 г. по распоряжению царя Алексея Михайловича была составлена «Книга, а в ней собрание, откуда произыде корень великих государей, царей и великих князей российских» («Царский Титулярник»). В ней говорится о западном происхождении русских царей, ибо этот «корень изыде от превысочайшего кесарского престола и прекрасно цветущего и пресветлого Августа кесаря, обладавшего всею вселенною». Подобной версией обязаны были пользоваться все русские дипломаты.

Другими словами, рубеж XV—XVI вв. в России ознаменовался появлением многочисленных теорий, имевших целью исторически мотивировать высокое положение России в мировой истории. Синхронность и обилие этих теорий были выражением крупных перемен в исторических судьбах России. Во внутренних отношениях происходил переход к централизованной монархии, а в отношениях внешних это был рубеж, когда Запад все больше становился главным направлением внешней политики России. Время Ивана III и Василия III явилось преддверием эпохи Грозного. В области исторической мысли свидетельством этого поворота выступило «Сказание о князьях Владимирских».

Вспоминать об этом приходится потому, что Гюнтер Штёкль придерживается иного взгляда на указанный период русской исторической мысли. Он, во-первых, проходит мимо некоторых исторических теорий, поэтому историография в Московском государстве выглядит гораздо бед-

⁹ См. предисловие Д. С. Лихачева к книге Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях Владимирских» (М.—Л., 1955, стр. 3).